

Социальный образ женщины
в немецкой сказочной фольклорной прозе XIX в.
(на примере сборника А. Куна и В. Шварца
“Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg,
Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig”)

Анна Е. Калкаева

Институт научной информации по общественным наукам

(ИНИОН) РАН, Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, kalkaeva@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется социальный образ женщины в мифологических рассказах сборника «Северонемецкие предания, сказки и обычаи Мекленбурга, Померании, Марки, Саксонии, Тюрингии, Брауншвейга», который был издан А. Куном и В. Шварцем в 1848 г. Рассмотрены следующие группы персонажей: обыкновенные женщины, знатные и незнатные; женщины, обладающие сверхъестественными способностями и сверхъестественной природой (ведьмы, мары, вальридерске), зачарованные женщины, великанши, женщины – представительницы другого мира (водяные девы, фрау Хольда, Старая Фрик, дикая матушка Хинне). Образ демонологической женщины в некоторой степени представляет собой инверсию образа женщины обыкновенной. Последняя, как правило, не отличается экстравагантным поведением, а за леность и нескромность несет наказание. Демонологические женщины в ряде случаев представляют для окружающих людей определенную опасность. Во многих случаях и обычных, и некоторых демонологических женщин объединяет нарочитая сексуализация. Последняя свойственна и мужским персонажам сборника, но в единичных текстах.

Ключевые слова: европейская сказочная проза, социальный образ, женские фольклорные персонажи, фольклор XIX в.

Для цитирования: Калкаева А.Е. Социальный образ женщины в немецкой сказочной фольклорной прозе XIX в. (на примере сборника А. Куна и В. Шварца “Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig”) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 6. С. 83–99. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-83-99

Social image of the women in German Sagen of 19th century (“Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig”)

Anna E. Kalkaeva

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia;*

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kalkaeva@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the social image of women in the demonological stories of the folklore sammlung “North German Legends, Tales, and Customs” edited by A. Kuhn and W. Schwarz in 1848. The author studies the image of the ordinary women, women with supernatural powers (*Hexen, Mahrt, Walriderske*), enchanted women, giantess and demonological women (water maidens, frau Holda, Old Frick, wild woman Hinnemutter). The image of the demonological woman, to some extent, is the reversal of the image of the common woman. The last one could be punished for some misconduct or immodest behavior, but the demonological woman is often shown in the texts as dangerous by itself. Still, ordinary and some demonological women are shown as sexual objects more often than male characters of the “Norddeutsche Sagen”.

Keywords: European *Sagen*, social image, female folklore characters, folklore of 19th century

For citation: Kalkaeva, A.E. (2023), “Social image of the women in German Sagen of 19th century (‘Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig’)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 83–99, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-83-99

Прежде чем перейти к самому исследованию, следует сказать несколько слов о сборнике, на материалах которого основана эта статья. «Северонемецкие предания, сказки и обычаи»¹ были опубликованы в 1848 г. в Лейпциге. Его составители – известный немецкий ученый, филолог и фольклорист Адальберт Кун (1812–1881) и его шурин, именитый этнограф Вильгельм Шварц

¹Kuhn A., Schwartz W. Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, Pommern, der Mark, Sachsen, Thüringen, Braunschweig, Hannover, Oldenburg und Westfalen. Leipzig: Brockhaus, 1848. 560 s.

(1821–1899). Формально сборник А. Куна и В. Шварца включает в себя 366 преданий и 19 сказок, его третий раздел посвящен «обычаям и суевериям».

А. Кун, подобно многим своим коллегам, надеялся найти в фольклорных материалах следы дохристианских верований². Отчасти поэтому большую часть изданных им и В. Шварцем текстов составили рассказы, записанные от незнатных людей: от них исследователи надеялись записать более аутентичный материал³. Многие из представленных даже в этой статье преданий с небольшими вариациями можно встретить и в других немецких источниках: от «Молота ведьм» (XV в.)⁴ до «Домашних сказок» В. и Я. Гриммов (XIX в.)⁵. Рядом со многими рассказами встречается указание места записи, а в некоторых случаях упомянута профессия или социальное положение информанта.

Предметом нашего анализа выступают мифологические рассказы, *Sagen*, включенные в сборник. В «Северонемецких преданиях» *Sagen* по большей части подразумевают историю, которая имеет привязку к определенному месту. Фантастический элемент в таком тексте присутствует часто, но он все же необязателен: например, в тех случаях, когда текст представляет собой историческое предание. *Sage* может быть рассказом о возникновении того или иного памятного или природного объекта; в некоторых случаях *Sage* представляет собой рассказ о встрече некоего человека со сверхъестественным, в других – это предания, героями которых являются исторические персонажи.

Время действия мифологических рассказов сборника варьируется от недавних событий, участники которых могли быть живы во время записи рассказа, до языческих времен. Однако значитель-

²См.: Uther H.-J. Kuhn Adalbert: Biographie // Zeno.org. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Kuhn,+Adalbert/Biographie> (дата обращения 25 мая 2023).

³Среди названных информантов наиболее широко представлены крестьяне и пастухи (от них записано 9 и свыше 14 *Sagen* соответственно). Всего 13 мифологических рассказов четко соотносятся с женщинами-информантками. В трех *Sagen* в качестве информанток упоминаются трактирщицы и в четырех – крестьянки. Большая часть текстов обозначена словом «устно», иногда к этой характеристике добавляется и указание места записи.

⁴См.: Крамер Г., Шпренгер Я. Молот ведьм / Пер. с лат. Н. Цветкова; предисл. С.Г. Лозинского. М.: Атеист, 1932. 299 с.

⁵См.: Гримм В., Гримм Я. Сказки / Пер. Г. Петникова. М.: Эксмо, 2015. 184 с.

ную часть событий, описанных в текстах сборника, затруднительно отнести к тому или иному периоду.

Все земли, в которых были записаны предания, на момент издания сборника так или иначе считались германскими. Тем не менее многие из них сейчас в составе Польши (большая часть Померании, остров Волин, г. Свиноуйсьце и др.). Впрочем, и тогда, и сейчас на этих землях живут представители разных этнических групп: в том числе немцы, поляки и фризцы. Поэтому северонемецкими они могут называться с некоторой долей условности. В некоторых текстах речь идет о северонемецких землях, но записаны они были в иных местах. Так, текст 64 был записан в Вихмансдорфе (*Wichmansdorf*, земля Рейнланд-Пфальц), но события его разворачиваются в Бойценбурге (*Boitzenburg*, земля Бранденбург).

Формально, как отмечалось выше, в сборнике всего 366 мифологических рассказов, однако некоторые из *Sagen* вмещают несколько текстов. Объем их, как правило, невелик: он может составлять и 44, и 384 слова (текст 297). Многие тексты не воспроизводят прямую речь информанта, но пересказывают ее; в некоторых случаях собиратели суммируют представления респондентов о том или ином явлении и излагают их в виде небольшой справки.

Задачи исследования заключались в том, чтобы рассмотреть, насколько широко в сборнике А. Куна и В. Шварца представлены женские персонажи в профессиональном и социальном плане, каковы их функции и насколько подробно описывается их облик. Для удобства анализа все женские персонажи, встречающиеся в сборнике, были поделены на несколько групп, которые мы и рассмотрим последовательно.

Обыкновенные женщины

Социальный статус обыкновенных женщин в *Sagen* довольно разнообразен: это знатные и состоятельные женщины, жены работников, крестьянки, монахини; в одном тексте упоминается нищая женщина. Некоторые женщины – служанки, реже – представительницы иных профессий: кормилицы и торговки маслом. Возраст персонажей варьируется от ребенка до пожилого человека; в статье же мы прежде всего будем рассматривать взрослых девушек и женщин.

Кратко упомянем те женские персонажи, чей пожилой возраст обозначен в сборнике. Так, женщину, названную *alte Frau*, посылают в Брауншвейг за грозой – брауншвейгцы же дают ей ящик с пчелами; сумасшедший музыкант готовится подложить лошадиную

голову под подушку своей жены, называя последнюю *meine Alte* (247.5). «Старая баба» (*altes Weib*) указывает путь в город шведам, и последние разрушают его (50); другая *altes Weib* оказывается ведьмой (71).

Теперь рассмотрим персонажей, отталкиваясь от их социально-положения.

Знатные женщины, жившие когда-то в прошлом, в большинстве текстов тесно связаны с немецкими правителями-мужчинами. Они представлены в циклах преданий, посвященных их мужьям, отцам и сыновьям (напр., в тексте 39.2 упоминается маркграфиня, жена маркграфа Карла). В тексте 208 изложен рассказ о том, как кайзер Генрих после смерти жены решил жениться на своей дочери. В текстах 234 и 289 говорится о графине, велевшей убить своих детей. Имена знатных женщин не приводятся, за небольшими исключениями. Так, в тексте 212 упоминается имя возлюбленной герцога Брауншвейг-Люнебурга Генриха V (1489–1568) Евы фон Трот (ок. 1505–1567), перевезенной в другой город после того, как герцогиня узнала о ее связи с Генрихом и о сыновьях, рожденных ею.

Другое исключение составляет текст, героиней которого является «фройляйн Мария» (Мария Еверская, 1500–1575). Это предание выделяется и тем, что в нем описывается женщина – исторический персонаж, лишенный крепкой привязки к мужскому персонажу: отец Марии, «храбрый, но жестокий», упоминается лишь мимоходом. Правительница Евера представлена в *Sage* как активная женщина, носившая доспехи и воевавшая с соседями. Сообщается, что однажды она исчезла, и с тех пор в округе в определенное время звонят местные колокола, которые должны умолкнуть лишь тогда, когда она вернется обратно (331).

Отдельно от знатных мужчин упоминается и некая «фройляйн» из рода Шуленбургов. Событие, которое произошло с ней, нашло отражение в семейном гербе, на котором запечатлен волк, прыгающий над двумя снопами сена. Девушка, укрывшаяся под сеном, чуть не стала его жертвой, однако лесничий услышал ее крик и вовремя застрелил зверя (143).

Перечисленные выше мотивы не встречаются в рассказах сборника, героинями которых являются незнатные женщины. Однако некоторые другие мотивы, представленные в «Северонемецких преданиях», объединяют женщин разного социального статуса. Так, в текстах 72.1–3 описаны женские персонажи: знатная дама (*Edelfräulein*), богатая женщина и некая девушка из Лондона, которые обретают своеобразное бессмертие. Они находятся в церкви в укромном месте и раз в год съедают облатку (72.1–3). Другой пример – переход женского персонажа по хлебу на другой берег

канавки, которая уже потом разрослась и превратилась в озера. В тексте 125 приведены две версии: по одной, эта женщина была дворянкой (*Edelfrau*), по другой – нищенкой (*Bettelfrau*).

Незнатные персонажи довольно широко представлены в сборнике: это девушки и женщины, профессия которых в большинстве текстов никак не обозначена, служанки и жены неродовитых мужчин.

Последние в большинстве текстов являются супругами крестьян, в двух текстах – женами поденщиков, еще в двух – женами местных администраторов. В тексте 247.5 женщина упоминается как супруга безумного музыканта, в тексте 219 – как супруга горняка. В большинстве упомянутых текстов либо их мужья сталкиваются со сверхъестественным, либо сами женщины. Нередко такая встреча заканчивается получением богатства. Так случилось и с женой гауптмейера, у которого умирали лошади. К женщине, пока она пекла блины, подошел подземный человечек и пожаловался на конюшню, которая находилась прямо над его жилищем. Конюшню перенесли, после чего гауптмейера одарили сором, оказавшимся позднее золотом (363). В тексте же 329 человечек явился к жене крестьянина, чей муж привел в конюшню жеребца для случки, и настоятельно попросил перевести лошадь в другое место, что и было исполнено; о возможной награде, однако, ничего не говорится.

В нескольких случаях жены незнатных людей оказываются героинями бытовых *Sagen*. Так, в одной *Sage* речь идет о причуде маркграфа, созвавшего своих крестьян и велевшего им узнать своих жен лишь по голым телам последних. Только один человек сумел узнать свою жену по отметине на ягодицах – за что ему было даровано поместье (39.5). В тексте 177 приведен сюжет о том, как на Троицу от одного пастуха забеременели двенадцать женщин, включая и его жену (177). В тексте 207 берггауптман вместе со своими горняками уходит в Саксонию, после того как его удивительно красивая жена рассказывает о том, как кайзер «принуждал ее подчиниться своей воле». В тексте же 313 образ женщины описан вне сексуального контекста, но как женщина «более умная», чем ее муж-крестьянин: она советует супругу согласиться на выгодную сделку, предложенную одним графом.

В нескольких *Sagen* сборника взрослые женщины (*Frau*) участвуют в повествовании без своего мужа. В приблизительно 12 таких текстах их способ заработка, если он и был, не назван. В двух текстах речь идет о роженицах, чьи дети или они сами подвергаются атаке со стороны водяных духов (103, 106). В нескольких рассказах описана встреча женщины с маленькими человечками. При этом в тексте 13 говорится о женщине, приговоренной к казни: ее отпра-

ляют проверить длинный тоннель, пройдя который, она обнаруживает цвергов, сидящих за столом. Последние говорят женщине возвращаться обратно и передают ей в качестве подтверждения встречи гороховый стручок, обернувшийся после, уже на глазах людей, железной цепью. Счастливо оборачивается и посещение бедной женщины цвергами в тексте 189.8. Получив разрешение хозяйки, человечки устраивают в ее комнате вечеринку, оставляют после себя принесенную еду и мебель, оказавшиеся на другой день золотыми.

Примерно в 19 текстах сборника упоминаются девушки, чья профессиональная деятельность не обозначена определенно. В нескольких текстах они представлены как объекты преследования и сексуального интереса со стороны цвергов и разбойников (189.5, 144, 279). Иногда же агентность девушек проявляется довольно ярко: одна девушка убивает из рогатки герцога, осаждающего Риклинген (286); другая прогоняет пукса, хотевшего унести белье (68.1).

В единичных текстах встречаются представительницы других профессий: доярка (*Milchmädchen*), девушка, торгующая маслом (*Butterjungfer*), женщина, торгующая маслом и яйцами (358.3). В первом тексте девушка страдает из-за того, что мимо нее проехал всадник, не благословившийся с утра (341). Второй же сюжет посвящен тому, как торговка маслом выкупила для представительниц своей профессии право работать в Цербсте, усеяв монетами дорогу к городу. В память об этом событии у ратуши установили изображение девушки, где она была представлена с длинными распущенными волосами (160). Героиня последнего текста – мара, и речь о ней пойдет в блоке, посвященном сверхъестественным персонажам.

Круг специализации обыкновенных мужчин в мифологических рассказах сборника шире: помимо крестьян, пастухов, слуг, музыкантов, господ, занимающих видные места в сферах управления, упоминаются трактирщики, палачи, повар, перевозчик и представители других профессий.

По крайней мере в 13 *Sagen* речь идет о служанках (в основном это *Magd*, в единичном случае *Viehmagd* – служанка, ухаживающая за скотом). В некоторых текстах они упоминаются вскользь, как объекты насмешек со стороны некоего духа, терпят от него обиды за лень, иногда вместе со слугами-мужчинами (228.1–4). В других рассказах служанки выполняют указания своей хозяйки.

Рассмотрим тексты, где служанки обладают большей субъектностью. В тексте 1 девушка, заправляющая постели, соглашается сделать то же самое и для Человечка Петера (*Das Petermännchen*). В тексте 282.1 служанка оказывается объектом ухаживания со сто-

роны обычно невидимого Ганса в Шапочке (*Hans mit dem Hütchen*): она соглашается в назначенный час спуститься в подвал, но видит там лишь маленького мальчика, купающегося в крови. В последнем тексте можно увидеть намек на несоответствующее определенным нормам морали поведение девушки. Можно предположить, что этот мотив (ребенок в крови, явленный служанке) отражает практику детоубийства, и таким образом видение младенца может быть прочтено как наказание служанки за ее распутный образ жизни.

Наказания поджидают девушек и в следующих рассказах. В тексте 153 две служанки прядут, «дабы скоротать время». Однако, поскольку они делают это вечером в четверг, некто внезапно вбрасывает в комнату крупную катушку, велев девушкам заняться ею после. Испуганные девушки более не осмеливаются прясть в неположенный час.

В тексте 139 девушка терпит наказание за публичное разоблачение фокусника (*Taschenspieler*). Она проходит мимо с кормом для скота, когда фокусник притворяется, будто пролезает под деревом. Девушке удается распознать его обман благодаря четырехлистному клеверу в ее корзине. На другой день фокусник «отводит» глаза и девушке, и окружающим ее людям. Девушке кажется, что впереди протекает ручей, и, чтобы его перейти, она немного приподнимает юбки. В этот момент раздается хохот, поскольку окружающим кажется, будто юбки были задраны выше колен.

Своеобразное наказание терпят и героини текста 214. В рассказе говорится о горных работах, в которых женщины принимали участие, поскольку мужчин не хватало. При этом женщины вели охоту на молодых парней, и случилось так, что двенадцать девушек претендовали на одного и в гнев переубивали друг друга. Этот текст отличается от большинства других, поскольку его женские персонажи показаны с несколько эксцентричной стороны. Как будет показано ниже, женские демонологические персонажи способны представлять значительную угрозу для других людей, однако для обыкновенных девушек и женщин сборника «Северонемецких преданий» такое поведение нетипично.

Поведение обычных женщин в *Sagen* редко бывает чрезмерно экстравагантным. Если девушки худо выполняют свою работу, если они чрезмерно дерзки или ведут несправедливый образ жизни – они несут наказание. Это в некоторой степени справедливо и для мужчин, которые в мифологических рассказах сборника сталкиваются со сверхъестественным миром, хотя для них круг проступков, за которыми следует наказание, шире. И если за леность слуги терпят озорство местного духа, то за условно распутный, но не преступный образ жизни они не страдают.

Женщины со сверхъестественными способностями

Среди женщин, обладающих сверхъестественными способностями, в сборнике упоминаются ведьмы, мары, вальридерске (тексты 338, 358.1–3), женщина, обернувшаяся волком (22). Рассмотрим последовательно описания этих персонажей.

Ведьмы (*Hexe*) в рассказах сборника предстают прежде всего участницами шабашей. Они несут в себе угрозу для окружающих: обратившись кошками, убивают подмастерьев и других людей (225.1), разоряют чужое хозяйство (31, 217.1). Нередко ведьм разоблачают или разгоняют при помощи упоминания имени бога; иногда упоминается казнь ведьмы (32). Довольно часто ведьмой оказывается соседка или жена хозяина дома, род ее профессиональной деятельности, если таковая есть, в рассмотренных текстах обычно не упоминается, однако иногда обозначается ее сословие: как правило, ведьма бывает крестьянской женой.

Часть своих функций, такие как разорение чужого хозяйства, ведьмы делят с марами и вальридерске. Мары и вальридерске (*Wålrîderske, Wålrêersk*, слово с неясной этимологией) в большой мере известны как демоны, спутывающие лошадиные гривы и человеческие волосы, мучающие живых существ по ночам (о марах см., например, «Германскую мифологию» Я. Гримма⁶). В текстах сборника они вполне человекоподобны.

В тексте 358.3 *Wålrêersk*, мучавшая чужую лошадь, оказывается торговкой маслом и яйцами. Женщина заставляет крестьянина совершить у нее покупку; позже он видит, что его лошадь больна и, подозревая неладное, скармливает ей купленное яйцо, после чего животное поправляется.

В большинстве текстов «Северонемецких преданий» вальридеры (*Wålrîder*) – женщины, за одним исключением. В тексте 358.2. вальридером оказывается один из солдат, расквартированных у крестьянина. Покинув дом, он заставил служанку хозяина подняться в воздух и улететь. Девушка, послушав совет кинувшегося догонять ее крестьянина, обвязала голову крест-накрест и упала вниз, но ее передник улетел вслед за солдатом.

Мары в сборнике обозначаются как *Mahr, Mahrt, Pferdemahrt, Mårte* или *Mårder*. В тексте 21 лошадиной марой оказывается знакомая крестьянина, мучавшая по ночам его лошадь. В текстах 16 и 102

⁶Гримм Я. Германская мифология: В 2 т. Т. 2 / Пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Издат. дом ЯСК, 2019. С. 957–959, 973–974.

прилетевшую из Англии мару ловит человек. Мара становится его женой, однако, когда он показывает ей отверстие в доме, в которое она изначально влетела, женщина покидает своего мужа. При этом в тексте 102 в момент своего обнаружения мара предстала перед компанией батраков обнаженной.

Наконец, упомянем в этом параграфе женщину, принявшую облик волка. Закончив вместе со своим мужем убирать урожай, она сказала, что ей придется его покинуть. При этом женщина предупредила, что, если к нему придет зверь, он должен бросить в него свою шляпу и убежать. Но когда к крестьянину явился волк, батрак его убил, и все увидели, что этим зверем была оставившая мужа супруга (22).

Это не единственный текст сборника, где упоминается волк-оборотень. В двух *Sagen* описываются люди, способные превращаться в диких зверей, надев ремень: один мужчина получает смертельную рану, благодаря которой становится известно, что именно он был волком (*Der Böxenwolf*, 271); другой вовремя снимает со своего сына пояс, случайно попавший тому в руки (258). Насколько преднамеренно человек меняет свое обличье и как сильно при этом он может контролировать поведение, по этому вопросу в различных немецких фольклорных рассказах нет единого мнения⁷.

Женские персонажи, описанные в этом параграфе выше, обычно, намеренно или нет, но входят в противоборство с представителями окружающего их человеческого общества: своим соседом, случайным путником, мужем. Однако есть и исключения: так, в тексте 320 упоминается диалог между женщиной и солдатом в Голландии. Женщина спрашивает его, знает ли он Блоксберг⁸. Услышав отрицательный ответ, она спрашивает о двух других местах и, когда он отвечает утвердительно, говорит, что оставила там золотую чашу и серебряную ложку и что солдат может забрать их себе, поскольку она вряд ли туда вернется⁹. В другом тексте охотник подбирает сито, но, отойдя на несколько шагов, видит испуганную

⁷См.: *Vink F., de. Der deutsche Werwolfmythos und -glaube: die Volkssagen des 19. Jahrhunderts. Bachelorarbeit. Universiteit Utrecht. 2019. S. 15–16. URL: https://studenttheses.uu.nl/bitstream/handle/20.500.12932/33034/deVink_Finale%20Version_Bachelorarbeit.pdf?sequence=2 (дата обращения 24 мая 2023).*

⁸Блоксберг – гора, где, согласно многочисленным немецким преданиям, ведьмы устраивают шабаши.

⁹В нескольких текстах сборника описываются артефакты, украденные у ведьм, оброненные или отданные ими: серебряный рог, кувшин (тексты 33, 337).

девушку. Как будто пытаюсь что-то найти, она восклицает, что в Англии плачут ее дети. Охотник возвращает сито на место, после чего и девушка, и сито исчезают (293).

Зачарованные женщины

Группа персонажей, которую мы рассмотрим в этом параграфе, – заколдованные и призрачные девушки, вынужденные пребывать подолгу в одних и тех же местах: в горах или в иных удаленных от жилых поселений локациях, в местах, где когда-то находился исчезнувший впоследствии замок или город. Заметим, что в сборнике представлены мужчины, описанные аналогичным образом, хотя и в гораздо меньшем количестве. Так, в тексте 205 говорится о двух белых мужчинах, которые выглядели в определенное время из старой сторожевой башни, но после, вероятно, получив освобождение (*Erlösung*), перестали показываться на том месте. Человек Петер – принц, согласно некоторым представлениям, освободится лишь тогда, когда его борода достигнет нужной длины (1). В рассказах 247.1–2. подобные мужские персонажи являются правителями, чьи бороды надежно вросли в каменный стол.

Освобождения ожидают и многие зачарованные и призрачные женские персонажи. Кроме этого, они могут, подобно правителям, описанным выше, находиться в подводном и горном пространстве, полном богатств. Их социальный статус варьируется от принцессы до работающей девушки, пасущей коров, и монахини. Последние, однако, упоминаются лишь в двух текстах: девушка однажды оказывается внутри валуна, который никто так и не сумел впоследствии вскрыть (95); монахиня же появляется на месте исчезнувшего города, спускается к Эльбе, моется и затем исчезает (129).

Иногда подобные персонажи описываются как женщины в белом или белые женщины (29, 112, 134, 137, 138, 196, 200.1, 231, 237, 247.2, 297, 355) или как черные женщины (10, 30, 47). В некоторых текстах упоминается постоянный атрибут призрачных женщин – крупная связка ключей (29, 223, 176, 231) или фонарь (*Die Schlüsselkathrine*, 235, *Die Lohlaterne*, 236)¹⁰. В некоторых *Sagen* описывается предыстория того, как они попали в подобное положение. В коротком цикле преданий о принцессе Ильзе (200.1–3)

¹⁰ Ключи, как отмечают некоторые исследователи, могут трактоваться как «символ власти над подземными богатствами», во всяком случае, когда речь идет о горном пространстве [Мурзин, 2014, с. 36].

рассказывается, что когда-то девушка бросилась в реку из-за невозможности оставаться вместе с возлюбленным. В тексте 297 изложена история женщины, что при жизни утаила мотки пряжи своей клиентки. Женщина была вынуждена скитаться по лесу, пока не нашла мужчину, согласившегося вернуть их обратно.

Иногда подобные персонажи могут представлять некоторую опасность для человека, их повстречавшего. В том же 297-м тексте женщина просит человека коснуться ее правой рукой – он протягивает посох, на котором она оставляет выжженные отпечатки пальцев. Негативные последствия могут иметь и намеренные действия духа. Так, в тексте 236 призрачная женщина, в целом безвредная, сильно избивает чрезмерно назойливого человека.

В некоторых текстах призрачные женщины, вероятно, совсем не хотят нанести ущерб человеку, но находятся в месте, где его может подстеречь опасность. Один из сюжетов, который встречается в нескольких рассказах сборника, выглядит так: человек, обычно пастух¹¹, видит вход, ведущий в гору, внутри которой он обнаруживает разные богатства. Помимо богатств он видит девушку либо трех девушек и в некоторых случаях – легендарного правителя. Человек наполняет свои карманы сокровищами. Когда он готовится уйти, девушки предупреждают его, чтобы он не забыл самого лучшего. Но он уходит, оставив в пещере волшебное растение, которое на самом деле и открыло ему вход. Гора захлопывается, иногда убивая человека либо просто нанеся ему сильный удар (200.2, 268, 365, 247.7)¹².

В четырех текстах (247.2, 247.4, 247.7, 247.9) дамы, встреченные в горах, названы экономками легендарного кайзера; в одном же (247.9) экономка – фрау Холле, женщина, которая, как отмечалось выше, нередко ассоциируется с такой профессиональной деятельностью, как прядение.

Завершая параграф о заколдованных персонажах, упомянем другую таинственную женщину, преследуемую диким егерем (тексты 115, 151). В тексте 151 женщина описывается как *seine Hure*, «его шлюха». Возможно, в тексте имеется в виду именно проститутка, это позволило бы расширить круг женских профессий, упоминаемых в сборнике.

¹¹ В тексте 247.2 белая женщина проводит внутрь горы девушку.

¹² Здесь уместно вспомнить текст 288.2, где после повторного визита ныряльщика под воду на ее поверхности показывается кровь. Нырнув в том же месте в первый раз, мужчина столкнулся с черными людьми, играющими за столом соло, и с большой собакой, которая, по его предположениям, могла его загрызть.

Великанши

В нескольких текстах сборника подчеркнута удаленность великанов от человеческого сообщества. Вместе с этим в *Sagen* не упоминаются сверхъестественные способности гигантов, не считая могучей силы, которой они обладают. Время, когда существовали и великанши, и мужчины-великаны, как правило, отнесено в далекое прошлое: люди вытеснили их в другие места (см., например, 226.1)¹³. В нескольких текстах выражено их опасение по поводу приближающихся людей. Тем не менее в сборнике упоминается, как великан хотел, чтобы одна дама стала его женой (264), а в тексте 126.1 отец великанши выражает положительное отношение к человеку с плугом, сказав, что, «если бы маленькие не пахали, большие не могли бы печь».

Большинство текстов, посвященных гигантам, описывают преобразование ими местного ландшафта. Так, камни или каменные глыбы могли появиться в конкретных местах во время драки великанов (225, 295); их игры в кегли (59); после того, как великаны бросили камни, пытаясь попасть в церковное сооружение (59, 335, 109), или обронили, как песчинку, из своего ботинка (188, 226.2, 226.3). Рельеф некоторых камней сохранил отпечатки, оставленные великанами: так великан-портной присел на камень, на котором после остались следы от иглы, ножниц и клубка ниток (59). Кратко в сборнике упоминается такая хозяйственная деятельность, как выпас великанами гусей (43).

Часть указанных выше мотивов свойственна и женщинам-великаншам: они выгоняют пастись свиней и диких животных (107, 126.7), роняют камни, бросают их в человеческие сооружения и опасаются людей. В нескольких текстах упоминается непродолжительная коммуникация великанши с мужчиной – представителем человеческого сообщества: встретив человека, управляющего плугом, великанша подхватывает его и относит своему родителю. Мать или отец говорит, что люди представляют для великанов угрозу, после чего дочь возвращает человека на место (43, 107, 126.1).

В текстах 126.1–7 речь идет о фрау Харке, могучей великанше, имя которой, как утверждается, дало название определенным ландшафтными образованиям. Согласно некоторым рассказам, она жила одна, согласно другим – с дочерьми или с мужем, присматривая за дикими животными.

¹³ В статье не рассматриваются те рассказы сборника, где великаны описаны как прежние правители некоторых земель.

Демонологические персонажи

В этом параграфе мы рассмотрим женские персонажи *Norddeutsche Sagen*, относящиеся к категории сверхъестественных существ: водяных духов, дикую женщину – матушку Хинне (или Хиннемуттер, *Hinnemutter*), фрау Холле (фру Годе), Старую Фрик (*alte Frick*) – бабушку черта.

Водяные девы (*Seejungfern, Waßernixe, Nickelfrau*) в большинстве текстов предстают существами опасными: они завлекают моряков и отвлекают мальчиков, прежде чем водяной утащит последних в воду. Однако есть и несколько исключений. Так, в тексте 197.3 жена никельманна проявляет дружелюбие по отношению к женщине, принимавшей у нее роды: она советует попросить в качестве оплаты своих трудов мусор, который затем превращается в золото. В тексте 259 водяная дева описывается как безвинная жертва друзей своего человеческого мужа. Друзья супруга убивают деву; приданое же девы, ранее полученное мужем, после его смерти становится подспорьем для бедных людей.

В нескольких *Sagen* описывается облик водяных дев: красная одежда (текст 12), длинные распущенные волосы, которые водяные девы расчесывают (12, 197.4), мокрые края одежды (197.7), рыба нижняя часть туловища (259), хвосты (12).

В отличие от водяных дев, дикая женщина, фрау Хольде (фру Годе) и Старая Фрик, пожалуй, менее сексуализированы. Матушкой Хинне, жительницей пещеры, пугали детей (190)¹⁴. Старая Фрик описана в сборнике как грозная женщина, разъезжающая по ночам с огнедышащими собаками. С ней, однако, возможно выстроить положительную коммуникацию: в тексте 2 рассказывается, как крестьянин, повстречав собак Старой Фрик, был вынужден бросить им свои мешки с мукой. Послушав совета своей жены, он вернулся на прежнее место и нашел эти мешки снова полными. По ночам с собаками носится и фру Годе (по крайней мере, «раньше»

¹⁴ Сам А. Кун сравнивал ее имя и имя *die Haulemutter*, другого мифологического персонажа, ведущего себя довольно агрессивно. Исследователь предполагал, что так образ Хиннемуттер может восходить через Фрау Холле непосредственно к Берте, которая предстает здесь «как мать и как Королева Сверчков» (см.: *Kuhn A., Schwartz W. Op. cit. S. 489*). Немецкий исследователь О. Кнуп придерживался другой точки зрения, считая, что ее образ восходит к некоей великанше (см.: *Knoop O. Frau Hinne. Die neu entdeckten Göttergestalten und Götternamen der norddeutschen Tiefebene und von Mitteldeutschland // Zeitschrift für Volkskunde. Vol. 3. 1891. S. 321–327*).

говорили о такой ее привычке, см. 2.2–2.3). Супруги-крестьяне, найдя у себя в доме собаку фру Годе, оставляют ее у себя, а когда собака покидает дом, они обнаруживают кусок золота (2.2). Другой же крестьянин, ударивший кнутом собачку фру Годе, заболевает на четырнадцать дней (2.3).

Фрау Хольда в большинстве *Sagen* сборника не причиняет людям никакого вреда. Встреча с этим мифологическим персонажем сулит и женщинам, и мужчинам богатства. К примеру, человек может ее встретить в горах, рядом с кучей льняных узелков. И если он согласится на предложение фрау Хольды взять эти узлы, то дома он обнаружит, что они стали золотыми (245).

Если женщины в рассказах сборника предстают относительно безобидными существами (нечасто нарушают запреты и нередко сами становятся жертвами – либо разбойников, либо цвергов), то как сверхъестественные создания или как люди, наделенные необычными способностями, они могут представлять угрозу для отдельных людей. Поведение и облик сверхъестественной женщины отличаются от поведения и облика женщины обычной, для которой недопустимы ни излишняя нагота, ни распущенные волосы. В некоторых случаях встреча с первыми, например с фрау Холле, может озолотить человека, в иных же случаях они описываются как скитающиеся на дорогах видения, ожидающие избавления, но довольно часто несущие в своем образе определенную угрозу.

Заключение

Женщины и мужчины в рассказах сборника могут исполнять одни и те же функции. Как члены человеческого сообщества, они могут нарушать негласный запрет, выполнять свои обязанности недобросовестно и нести за это наказание; как великаны, они могут бросать камни, преобразовывая ландшафт; как заколдованные люди – ждать своего избавления.

При этом мифологические рассказы сборника отражают повышенную, по сравнению с мужчинами, сексуализацию женщин в обществе. Женщины оказываются жертвами разбойников и цвергов. Для наказания девушки создается иллюзия, будто она задирает юбки выше колена, что вызывает у окружающих хохот; мужья вынуждены узнавать своих жен по обнаженным телам последних.

Женщины, описанные в сборнике, обладают разнородным социальным статусом, однако профессии их не столь разнообразны.

разны. Из женщин, чья специализация упоминается, наиболее широко представлены служанки. В иных случаях, за несколькими исключениями, профессия женщины обозначается тогда, когда это необходимо для развития сюжета мифологического рассказа.

Индустриализация и урбанизация немецких земель почти никак не отражается в рассказах сборника. Один из немногих текстов, где встречается профессия, которую можно было бы отнести к сфере частного предпринимательства, – профессия торговли маслом – повествует о давних временах. Другие профессии, такие как трактирщица и проститутка, игнорируются почти полностью, хотя первые были среди информантов собирателей сборника. Стоит заметить, что подобные занятия в целом нечасто появляются в немецких *Sagen*, опубликованных в XIX в.

Многие демонологические персонажи представляют собой инверсию обычной добропорядочной женщины, что проявляется в их внешнем облике, в особенностях поведения и степени опасности. Они тоже не избегают сексуализации, представая в *Sagen* обнаженными или с распущенными волосами; могут описываться как красивые девушки или как ведьмы, ведущие распутный образ жизни. Но если поведение обычных девушек не соответствует нормам их профессии или морали общества, их может ждать наказание; а такие персонажи, как фрау Холле, существуют над этими нормами и позволяют себе носиться с собаками по ночам, принимая участие в дикой охоте.

Литература

Мурзин 2014 – Мурзин А.А. Образы горных духов в немецком фольклоре // Человек в мире культуры: Региональные культурологические исследования. 2014. № 2 (10). С. 35–37.

References

Murzin, A.A. (2014), "Images of mountain spirits in the German folklore", *Chelovek v mire kul'tury. Regional'nye kul'turologicheskie issledovaniya*, vol. 10, no. 2), pp. 35–37.

Информация об авторе

Анна Е. Калкаева, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21;

аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kalkaeva@mail.ru

Information about the author

Anna E. Kalkaeva, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117418;

postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kalkaeva@mail.ru